

П.О. Кулиш

**Записки о жизни Николая
Васильевича Гоголя**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.О. Кулиш**
Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя: Том 1 / П.О. Кулиш – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 346 с.

ISBN 978-5-518-00636-2

Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. В двух томах. Том 1.

ISBN 978-5-518-00636-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Въ этихъ »Запискахъ« повторено все, что напечатано въ моемъ »Опытѣ Біографіи Гоголя«, кромѣ мѣсть, потребовавшихъ исключенія, или замѣны новыми, влѣдствіе точнѣйшаго изученія предмета и вновь открытыхъ матеріаловъ.

Считаю нужнымъ объяснить причины, по которымъ я назвалъ свою книгу не *вторымъ, пополненнымъ изданіемъ* »Опыта«, а »Записками«. Во первыхъ, это послѣднее заглавіе показалось мнѣ болѣе удобнымъ для будущихъ ссылокъ на мою книгу. Во вторыхъ, здѣсь такъ много передѣлокъ и дополненій противъ »Опыта«, что я считаю »Записки о Жизни Гоголя« новымъ своимъ трудомъ. Въ третьихъ, самое количество писемъ и другихъ документовъ, далеко превосходящее то, которое включено въ »Опытъ«, должно дать этой книгѣ особаго значеніе въ глазахъ читателей. Наконецъ, въ четвертыхъ — и это самое главное — обширность предпринятой мною работы, обнятая мною полнѣе при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, заставила меня приостановиться съ дальнѣйшими біографическими выводами и обратить свою книгу въ простой сборникъ извѣстій о Гоголѣ, — сборникъ, который можетъ еще пополниться новыми записками и изустными разсказами знавшихъ Гоголя лично и по которому со временемъ можно будетъ написать его біографію.

Николай М.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

Періодъ первый.

I.

Предки Гоголя. — Первые поэтические личности, напечатлѣвшіяся въ душѣ его. — Характерическія черты и литературныя способности его отца. — Первые вліянія, которымъ подвергались способности Гоголя. — Отрывки изъ комедій его отца. — Воспоминанія его матери.

Въ малороссійскихъ лѣтописяхъ записано два лица, носившія имя Гоголя. Первый Гоголь, выдавшійся изъ толпы своихъ темныхъ однофамильцевъ, былъ Іоаннъ, епископъ шипекій. Онъ является въ числѣ провозвѣстниковъ той уніи, противъ которой воссталъ герой современнаго намъ Гоголя, Тарасъ Бульба. Не извѣстно, состояли ли предки поэта въ какомъ-нибудь родствѣ съ этимъ епископомъ; только Гоголи существовали съ давнихъ временъ на Украинѣ. Доказательствомъ тому служить, между прочимъ, старинное селенное село Гоголевъ, бывшее, вѣроятно, гнѣздомъ ихъ фамиліи, подобно тому какъ другія села, названія по извѣстнымъ въ исторіи именамъ, указываютъ на домашній очагъ другихъ старинныхъ родовъ въ Малороссіи. Впрочемъ исторіи молчатъ о Гоголяхъ во все продолженіе ожесточенныхъ войнъ за унію и только въ эпоху Богдана Хмельницкаго выносятъ изъ темной неизвѣстности од-

ного Гоголи. То был Остап Гоголь, полковникъ подольскій. О немъ говорится въ лѣтописяхъ при описаніи битвы на Дрижицолѣ (1655); потомъ его имя упоминается, въ исчисленіи отступившихъ полковниковъ, подъ «переславскими статьями»; наконецъ, въ «Лѣтописи Самовидца» онъ является рядомъ съ Петромъ Дорошенкомъ, которому онъ одинъ изъ полковниковъ остался до конца вѣрежъ и послѣ котораго еще нѣсколько времени отстаивалъ подвластную себѣ часть Украйны. Не больше пяти строкъ посвятилъ лѣтописецъ этому обращенію козацкой неугомонности, но и изъ нихъ видно, какого сорта это былъ характеръ. Остапъ Гоголь ѣздилъ въ Турцію посломъ отъ Дорошенка, въ то время, когда уже всѣ другіе полковники вооружились противъ этой «вихренатой головы», какъ называли нана Петра Запорожцы, и когда Дорошенко колебался между двумя мыслями: съѣсть ли ему на бочку пороху и взлетѣть на воздухъ, или отказаться отъ гетманства. Можетъ быть, только Остапъ Гоголь и поддерживалъ такъ долго его безразсудное упорство, — потому что, оставшись послѣ Дорошенка одинъ на опустѣломъ правомъ берегу Днѣпра, онъ не склонился, какъ другіе, на убѣжденія Самойловича, а пошелъ служить, съ горстью преданныхъ себѣ козаковъ, воинственному Ишу Собѣекому и, разгромивъ съ нимъ подъ Вѣною Турокъ, приниалъ отъ него опасный титулъ гетмана, который не подъ силу пришло носить самому Дорошенку. Чтò было съ нимъ потомъ и какаѣ смерти постигла этого, какъ по всему видно, энергическаго человѣка, лѣтописи молчатъ. Его боевая фигура, можно сказать, только выглянула изъ мрака, сгустившагося надъ украинскою старинною, осветилась на мгновеніе кровавыми пламенемъ войны и утонула снова въ темнотѣ.

И какому лѣтописцу его времени было дѣло до Остапа Гоголя, полковника отдаленной надднѣстринской Украйны и потомъ гетмана небольшой дружины козаковъ, обрывка грозной тучи, вызванной чародѣемъ Хмельницкимъ на бой съ громами польскихъ магнатовъ?... Но это имя, выброшенное волнами событій на широкій берегъ исторіи, до сихъ поръ отрѣшенное отъ живыхъ интересовъ нашего ума и чувства, выжета теперь съ другою подобнымъ именемъ, которое отмѣчено въ лѣтописяхъ міра болѣе яркой и привѣтливо сіяющей звѣздой. Конечно, ни одинъ лучъ въ сіяніи этой звѣзды не заивнеть отъ злобщаго блеска, озарившаго

личность Остапа Гоголя; но любопытно, однакожь, знать, въ какомъ разрядѣ людей, въ какомъ быту и при какихъ обстоятельствахъ вырабатывалась въ минувшіе вѣка жизненная сила, которой въ наши дни, дивной игрой природы, сооблился таинственный огонь поэзии. Вотъ почему нишущій эти строки съ живѣйшимъ любопытствомъ прочиталъ сухой дворянскій протоколъ поэта, по которому родъ его восходитъ ко временамъ воинственнаго Остапа и въ которомъ упоминается еще двѣ старинныя, исторически извѣстныя фамиліи, бывшія въ близкомъ родствѣ съ поколѣніемъ Гоголей.

Странно, однакожь, что въ этомъ документѣ полковникъ Гоголь названъ Андреемъ и получаетъ въ 1674 году привилегію на владѣніе деревнею Ольховцемъ отъ польскаго Короля Яна Казимира, который за шесть лѣтъ передъ тѣмъ отрекся отъ престола. Не зная, какъ объяснить такую несообразность, нишущій эти строки все-таки думаетъ, что это — преданіе о полковникѣ Остапѣ, некаженное въ канцеляріяхъ гетманской Малороссіи, ибо до сихъ поръ ни въ одномъ извѣстномъ документѣ не встрѣтилось не только полковника Андрея Гоголи, но и никакого другаго полковника Гоголя, кромѣ Остапа. Далѣе въ протоколѣ говорится, что полковой писарь ⁽¹⁾ Аонасіій Гоголь (дѣдъ нашего поэта), въ доказательство своихъ правъ на дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ нему отъ дѣда жены его, полковника Танскэго, и тестя, бунчуковаго товарища Семена Лизогуба. Не извѣстно, какъ велики были эти имѣнія, но въ протоколѣ говорится, что они находились въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, Келебердѣ и деревнѣ Рѣшоткахъ ⁽²⁾.

Что касается до предковъ Гоголя по женской линіи, то полковникъ перелаславскій Василій Танскій проходилъ отъ извѣстной польской фамиліи этого имени и оставилъ Польшу въ то время, когда Петръ Великій вооружился противъ претендента на польскій престолъ, Лещинскаго. Онъ усердно служилъ Петру въ шведской войнѣ и занималъ всегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между малороссійскою старшиною. Пра-

(1) Старинный малороссійскій чинъ, соответствовавшій майору.

(2) Все это въ Полтавской губерніи.

дѣдъ поэта, Семень Лизогубъ, происходилъ отъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба, извѣстнаго тоже въ царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ; а его мать, Марья Ивановна, была дочь надворнаго совѣтника Косяровскаго, какъ это видно изъ его метрическаго свидѣтельства. Такимъ образомъ, Гоголь, по своей родословной, принадлежалъ къ высшему сословію въ Малороссіи и въ числѣ своихъ предковъ могъ считать нѣсколько личностей, хорошо памятныхъ исторіи.

Замѣтимъ, что полковникъ Остапъ, игравшій роль посла въ Турцію, полковникъ Танскій, знатный вляхтичъ польскій, и Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный (то есть генераль-фельд-цейхмейстеръ), — все это должны были быть образованнѣйшіе люди своего времени. Что касается до дѣдушки поэта, полкового писаря (1), то уже одно это званіе показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ Кіевской духовной академіи, или по крайней мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которыя занимали тогда мѣсто нынѣшнихъ гимназій, и кто знаетъ, не изъ его ли разсказовъ замечено Гоголемъ разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти «Війн»? Если это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него онъ рисовалъ своего идиллическаго Аонасія Ивановича. Въ такомъ случаѣ, припомнимъ нѣсколько строкъ, описывающихъ двѣ личности (Аонасія Ивановича и его жену), имѣвшія, такъ или иначе, вліяніе на образованіе души нашего поэта въ то время, когда она легко поддавалась всякому вліянію.

«Еслибы и былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аонасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Нульхерія Ивановнѣ пятьдесятъ шість. Аонасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ несада въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Нульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всемъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, пашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго

(1) Въ метрическомъ свидѣтельствѣ Гоголя дѣдъ его уже названъ майоромъ.

лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ, вѣрно бы, укралъ ихъ. Но нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старія національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи.... Когда-то въ молодости Иоанасій Ивановичъ служилъ въ казначействахъ, былъ послѣ *секундъ-майоромъ*; но это было очень уже давно.... Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надѣдають вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, распрашивая ихъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются нескѣ добрые старики.... Тогда лицо его можно сказать, дышало добротою.... Они непрерывно старались угостить васъ вѣдмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовичь такъ кротко выражалось на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ соглашались на ихъ просьбы. Онъ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ.» (1)

Сынъ полкового писаря, Василій Иоанасьевичъ Гоголь, отецъ поэта, былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Онъ обладалъ даромъ разсказывать занимательно о чемъ бы ему ни вздумалось и припривлалъ свои разсказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича (2), онъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго асессора, что въ провинціи — и еще въ тогдашней провинціи — было рѣшительнымъ доказательствомъ, во первыхъ, умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ, бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляеть насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности — теоретической, или практической, все равно; но, кромѣ того, мы имѣемъ еще

(1) «Старосвѣтскіе Помѣщики», въ «Сочиненіяхъ Николая Гоголя», т. II, стр. 13, 15, 29, 30.

(2) Онъ родился въ 1809 году, 19 марта, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Можетъ

другое доказательство высшего умышленнаго его развитія, о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ образомъ занимательность его разсказовъ объясняется не однимъ врожденнымъ даромъ слова: онъ много зналъ, много видѣлъ и много пещиталъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ бы то ни было, только его небольшое наследственное село Васильевка, или — какъ оно называется изстари — Яновщина, сдѣлалось центромъ общности всего околотка. Гостепрѣимство, умъ и рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда близкихъ и далекихъ соседей. Тутъ-то бывали настоящіе «вечера на хуторѣ», которые Николай Васильевичъ, по особенному обстоятельству, помѣтилъ возлѣ Диканьки (1); тутъ-то онъ видалъ этихъ нестоимыхъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ, нѣсколько окаррикатюра, въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудого Панька.

Надобно быть жителемъ Малороссіи, или, лучше сказать, малороссійскихъ замолустьей, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только чувствуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь пантанную запахомъ широговъ со сметаной или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи.

Вообще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Гоголь нарисовалъ многое, что окружало его въ дѣтствѣ, почти въ томъ видѣ, какъ оно представлялось глазамъ его. Тутъ еще не было художественнаго слѣпія въ одно предметовъ, разбросанныхъ по цѣлому міру и набранныхъ поэтической памятью въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Поэтому, его

быть, будущему біографу Гоголя полезно будетъ знать для какихъ-нибудь соображеній, что мать Гоголя имѣла двоихъ дѣтей до его рожденія, но они являлись на свѣтъ мертвыми. Поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она перѣехала въ Сорочинцы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій. Между прочимъ она дала обѣтъ, если родится у нея сынъ, назвать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тѣхъ поръ, пока дадутъ ему знать о счастливомъ событіи и попросятъ отслужить благодарственный молебенъ.

(1) Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи.

«Вечера на Хуторѣ» и нѣкоторыя пьесы въ «Миргородѣ» и въ «Арабескахъ», при всей незрѣлости своей, имѣють для насъ теперь особенный интересъ. Тутъ изъ-за картинъ выглядываетъ самъ художникъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ, силою своего таланта, поставилъ изображенныя имъ лица, предметы и событія внѣ всякаго сближенія съ своею домашнею жизнью (1). Здѣсь онъ дитя, неволью высказывающееся въ своей наивности; тамъ онъ мужъ, безпристрастно и вѣдѣніе высшихъ соображеній выражающій поэтическія истины. Малороссійскіе помѣщики прежняго времени жили въ деревняхъ своихъ весьма просто: ни въ устройствѣ домовъ, ни въ одеждѣ не было у нихъ большой заботы о красотѣ и комфортѣ. Поюція двери, глиняныя полы и экипажи, дающіе своимъ звяканьемъ знать прикащику о приближеніи господъ, — все это должно было быть такъ и въ дѣйствительности Гоголева дѣтства, какъ оно представлено имъ въ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Это не кто другой, какъ *онъ самъ*, вѣгаль прозябнувъ въ сѣни, хлопалъ въ ладоши и слышалъ въ скрипѣніи, двери: «батюшки, я зибну!» то *онъ* вперялъ глаза въ садъ, изъ котораго глядѣла сквозь растрованное окно майская темная ночь, когда на столѣ стоялъ горячій ужинъ и мелькала одинокая сѣтя въ старинномъ подувѣчникѣ. Накрытая зеленою плесенью крыша и крыльцо, лишенное штукатурки, представлялись *его* глазамъ, когда онъ, переѣхавъ пажити, лѣзущія въ экипажъ, приближался къ родному дому, и старосвѣтскіе помѣщики были портреты почтенной четы отходящихъ изъ нашего міра старичковъ, которые мирною жизнью, нецеленною тихой любви и довольства, лелѣли дѣтское сердце поэта, какъ теплая, свѣтлая осень лелѣтъ молодые поѣсвы. И слышъ онъ отъ своего отца и его доужихъ собесѣдниковъ позанметвовалъ оригинальную, истинно малороссійскую манеру балагурить, то, безъ сомнѣній, охлажденныи старостью рѣчи прототиповъ Аонасія Ивановича и Нульхеріи Ивановны заронили въ его душу сѣмена серьезныхъ убѣжденій религіи и нравственности, развивавшіяся въ немъ незримо для міра, парави съ даромъ овладѣвать разсѣяннмъ умомъ надкаго на смѣшное

(1) Кромѣ развѣ оригинальныхъ украшеній языка, съ которыми онъ никогда не могъ разстаться.

читателя. Дѣтскія письма его покажутъ, какъ рано въ немъ скрывались высокія стремленія къ пользѣ ближняго, оказавшіяся въ послѣдствіи подкладкою его юмористическихъ произведеній. Но не будемъ забѣгать впередъ и посмотримъ еще на обстановку дѣтскихъ лѣтъ поэта, поговоримъ о вліяніяхъ, содѣйствовавшихъ складу его ума и предначертавшихъ направленіе, по которому онъ долженъ былъ пойти въ зрѣломъ возрастѣ. При его впечатлительности, ничто не оставалось для него постороннимъ, до него не касающимся. Вотъ какъ рассказываетъ самъ онъ о своемъ жадномъ любопытствѣ, находившемъ пищу во всемъ, что представлялось его взорамъ :

»Прежде, давно, въ лѣта моеи юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, лютопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ начертаніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ, извѣстной архитектуры... круглый ли, правильный куполь, весь обитый листовымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, понавшійся среди города — ничего не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телеги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотоле покровъ какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ стѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ нѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную елку, и на кунца, мелькнувшаго въ сибирскѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мысленно за ними. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: Куда онъ идетъ? на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не советѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всею семьей, и о чемъ будетъ вѣденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ мѣнестахъ, или мальчикъ въ толстои курткѣ,